

Е. А. Окладникова

ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ РАЗРЫВ: «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» МЕЖДУ УЧИТЕЛЯМИ И ОБУЧАЮЩИМИСЯ В СОВРЕМЕННОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

В статье публикуются результаты пилотажного социологического исследования проблемы коммуникативно-воспитательного взаимодействия учителей и учеников, проведенного автором методом включенного наблюдения в одной из средних школ Выборгского района Санкт-Петербурга. Был выявлен поколенческий разрыв между группами учителей и учеников, а также были систематизированы признаки поколения учителей и учеников и подтверждена гипотеза исследования о том, что условия фазового демографического перехода, цифровизация образования способствуют разворачиванию коммуникативно-воспитательных отношений в школе по сценарию «холодной войны». Рассмотрены признаки этого типа «холодной войны» (формирование образа учителя как «Другого/Врага»; феномен перерастания холодной войны в горячие конфликты, педагогические практики разрядки напряженности).

Ключевые слова: поколенческий разрыв, средняя школа, воспитание, образ учителя, образовательная среда.

Е. Okladnikova

GENERATION GAP: THE COLD WAR BETWEEN TEACHERS AND STUDENTS IN MODERN SECONDARY SCHOOLS

The article reports the results of a pilot sociological study that focuses on the issues arising in educational interaction between teachers and students. The study was conducted by the author using the method of participatory observation. The evidence was taken from one of the secondary schools of the Vyborgsky District of Saint Petersburg, Russia. The analysis of data found a generation gap between groups of teachers and students. The study resulted in the development of generation-based profiles of teachers and students. The study had the following hypothesis: phase demographic transition and a change in the economic structure (digitalisation) contribute to the development of a cold war scenario of teacher-student interaction in school settings. The cold war scenario has the following characteristic features: the teacher is seen as "Other / Enemy"; the escalation of the cold war into flashpoint conflicts; practices of détente.

Keywords: generation gap, secondary school, moral and values education, teacher image, educational environment.

Объектом исследования стала школьная образовательная среда одной из школ Выборгского района Санкт-Петербурга, предметом — воспитательная деятельность, в процессе которой у обучающихся формируется образ учителя как «Другого/Врага». Гипотезой исследования стала идея о том, что между двумя социальными группами современного российского общества, учителями и обучающимися, идет «холодная война».

Актуальность исследования продиктована тем, что: 1) как показал обзор научной литературы и периодики в СМИ, школа, в которой было проведено исследование, не является уникальным феноменом; 2) в период с 2007 по 2020 гг. «холодная война» все чаще сопровождается горячими конфликтами между обучающимися и учителями, которые периодически освещаются в СМИ; 3) реакция педагогического сообще-

ства на сложившуюся в результате действия исторических, экономических социальных факторов ситуацию этой «холодной войны» двойка. В социальных сетях директора школ и учителя выражают озабоченность сложившейся ситуацией, а в практике школьной жизни учителя пытаются выстраивать мосты контактов с обучающимися по модели советской школы. В отчетности школьных администраций для РОНО сложности отношений между учителями и обучающимися замалчиваются; 4) тема «холодной войны» между учителями и обучающимися в школе не считается актуальным предметом педагогических и социологических исследований.

Исследование было проведено методом включенного наблюдения. Наблюдение проводилось автором на регулярной основе в соответствии с рабочим графиком учителя-предметника в течение месяца среди обучающихся 5–11 классов ($N = 543$) и учителей, включая завучей и директора ($N = 23$). В процессе обработки собранных кейсов, удалось проследить явный поколенческий разрыв, который стал одним из факторов формирования образа учителя, представителя поколения “X” (далее — П“X”) и частично поколения “Y” (далее — П“Y”) как «Другого/Врага» в глазах обучающихся, принадлежащих к поколению “Z” (далее — П“Z”).

Смена поколений и феномен поколенческого разрыва — не только распространенные сюжеты мировой литературы [1], но и предмет демографических и социологических исследований. Классической стала циклическая теория поколений американских ученых У. Штрауса и Н. Хоува [32; 33], а также теории смены поколений отечественных социологов Ю. А. Левады, М. К. Горшкова [10; 5, с. 7–14; 16] и связанные с ними исследовательские разработки в области теории поколений Е. Шамис [21; 24]. На сегодняшний день существуют многочисленные научные обзоры этой темы [13]. Теории, описывающие феномен поколенческого разрыва и его социокультурные коннотации, формировались с середины XX в. в рамках

следующих научных подходов: культурно-антропологического подхода (теория поколений М. Мид, интерпретирующая поколенческий разрыв с позиций практик трансляции знаний) [12]; теория моно- и полиактивных культур Э. Холла, суть которой заключается в описании особенностей социальных коммуникативных практик в социальных средах с разными традициями передачи знаний от поколения к поколению и др.

Общими признаками П“X” в целом являются: оптимизм, заинтересованность в личностном росте и вознаграждении, коллективизм и дух команды, культ молодости. Признаками поколения (П“Y”) являются готовность к изменениям, возможность выбора, глобальная информированность, техническая грамотность, индивидуализм, стремление учиться в течение всей жизни. В среде П“Y” социологи выделили большую группу «новых взрослых». Эти люди отличаются от П“X” склонностью к неформальным взглядам, прагматизмом, установкой на немедленное вознаграждение даже за незначительную работу, скепсисом суждений, неумением подчиняться, приятием идеи равноправия полов, надеждой на себя. Концепция взрослости «новых взрослых» построена не на формальных признаках статуса, не на оправдании социальных ожиданий (т. е. последовательном совершении ожидаемых поступков); эта концепция зиждется на постулате «самости индивида». Каждый человек рождается с этой индивидуальной самостью, которую теряет, как только начинает следовать принятым взрослыми сценариям. Взрослый сегодня — это тот, кто обеспечивает себе удовлетворительное существование в рамках действующей законности. Всё остальное для «новых взрослых» сегодня — это «как оно получится». Поэтому в кругу «новых взрослых» не считается зазорным дауншифтинг. Роберт Блай в книге «Братское общество», критикуя новых взрослых», утверждает, что эта категория людей — «безотцовщина, открытая трэш-культуре, поощряющая ранние

и поверхностные сексуальные связи, уничтожившая понятие “учтивости” и страдающая от экономической нестабильности» [31].

Группа школьников (П“Z”) получила в научной литературе название «поколение хоумлендеров» или «цифровое поколение» (1985–2000). Это поколение, возвращенное культурой массового потребления всего (продуктов питания, конфекциона, гаджетов, поп-культуры), экономических кризисов, пандемии COVID-19. Признаками этого поколения являются техническая грамотность, прагматичность, скепсис, неумение и нежелание подчиняться, полиактивность, социальная аутичность, резкие переходы от социальной апатии к социальной агрессии. П“Z” — это «цифровые» дети [25]. Их можно охарактеризовать как детей «глобальной деревни» А. Тоффлера, у которых неограниченные возможности в получении и переработке информации, в том числе и школьных знаний. При этом благодаря открытой и всеобъемлющей информации в интернете дети стали практически независимы от взрослых в получении интересующих их сведений и знаний [8].

Обобщая базовые идеи ученых, которые внесли свой вклад в разработку теории поколений, нетрудно заметить, что в традиционном обществе поколения физически сменяли друг друга каждые 25 лет. Например, в средневековой Японии самурай, как правило, доживал до 40 лет. На смену ему приходил его 20-летний сын. Такая скорость физической ротации поколений исключала возможность возникновения поколенческого разрыва. Сегодня, на заре цифрового общества, работающие в дистанционном режиме пенсионеры могут иметь в начальниках своих внуков или людей возраста внуков, даже не подозревая об этом. Быстрая смена технологических и экономических укладов привела к возникновению не только «новых возрастов», но и появлению новых возрастных классов, например, класса «новых взрослых» [4]. В этих условиях трансформации возрастной пирамиды, проблема поко-

ленческого разрыва возникает с особой остротой. Поколенческий разрыв усугубил неприятие взглядов учителей учениками, эскалацию случаев «горячих конфликтов» между учениками и учителями и, как следствие, стремление со стороны учителей смягчить напряженность, применяя разнообразные практики «детанта».

Как показал анализ собранных нами в ходе включенного наблюдения кейсов и интервью учителей (П“X” и П“Y”) (N = 23), поколенческий разрыв наблюдается и в среде учителей. В современной школьной образовательной среде преобладают немолодые женщины, что является следствием: 1) естественного процесса смены поколений, обусловленного экономическими причинами, а именно: низкой оплатой труда школьных педагогов, непривлекательной для современной молодежи — выпускников педагогических вузов; 2) социальными процессами: формированием нового социального слоя так называемых новых взрослых или «кидалтов» (П“Y”), «кидалты» не готовы к тяжелому повседневному труду; 3) преобладанием среди школьных учителей женщин пенсионного и предпенсионного возраста.

Социальные психологи уточняют, что наиболее часто в повседневную школьную коммуникацию со стороны учителей оказываются включены представители П“X”, а со стороны обучающихся — представители П“Z”. Именно этим они объясняют тупиковый, провальный, чреватый конфликтами характер школьной коммуникации, более похожий на «разговор глухого с немым». Причины провальной коммуникации в следующем. При условии стремительного развития цивилизации (начиная с 1995 г. европейская цивилизация переживает период фазового перехода) [34] происходит быстрая смена экономических укладов [22]. Поколение учителей, представленное П“X” и частично П“Y”, сформировалось в условиях перехода от 4-го к 5-му экономическому укладу. Поколение школьников «хоумлендеров» развитых стран мира, как американских,

так и российских, формировалось уже в условиях перехода к 6-му экономическому укладу, т. е. в цифровом обществе. Согласно теории исторического материализма, экономическое бытие формирует общественное сознание. Насколько пряма эта зависимость, можно осознать, если принять во внимание факт, что революционные изменения в России после 1917 г., в условиях перехода от 4-го к 5-му экономическому укладу, стали возможны только в результате того, что к власти пришли люди индустриального общества со свойственным им типом мышления, ориентированным на точные и инженерные науки. Эти люди обладали не только другим типом мышления, несовместимым с типом мышления аристократии, но и другим внешним обликом. Это были люди военно-спортивного типа.

Промышленные, технологические и экономические революции, развитие медицины удлинители возраст поколений, что привело к обострению поколенческого разрыва, т. е. социальному конфликту, при котором культурные ценности поколения «отцов» сильно разнятся с ценностями поколения «детей». В условиях ускоренных процессов цивилизационного развития, описанных теорией фазового перехода [34], поколенческий разрыв стал триггером «холодной войны» между обучающимися и учителями в современной средней школе.

Термин «холодная война» был введен в научный оборот (область исследований геополитики и социологии) американским журналистом У. Липманом в 1946 г. В 1947 г. это словосочетание прозвучало в речи Бернарда Баруха, советника президента США Гарри Трумана, в его политическом выступлении перед палатой представителей в штате Южная Каролина. В американской литературе его использовал Дж. Оруэлл в произведении «Вы и атомная бомба», описывая современную ему ситуацию послевоенного противостояния США и СССР в экономической, геополитической и идеологической сферах. Коннотация смысла

термина «холодная война», основанная на анализе его содержания, открывает нам возможности его использования для описания ситуации, которая сложилась на сегодняшний день в жизни современной средней школы, а именно в отношениях между двумя крупными социальными группами, представленными двумя сменяющимися друг друга поколениями, — учителями и обучающимися [19, с. 43–50; 28, с. 26–32]. Аналогичные «холодной войне» процессы взаимодействия можно проследить в описаниях отношений между учителями и обучающимися в современной школе. Часть аспектов этих отношений уже была подвергнута социологическому и социально психологическому анализу [9, с. 28–30; 20]. Теоретиком «холодной войны» стал руководитель ЦРУ Аллен Даллес, считавший практику холодной войны вершиной стратегического искусства «баланса на грани войны» между двумя сверхдержавами того времени. Противостояние СССР и США в период с 1946 по 1991 г. выражалось в: 1) формировании образа врага; 2) гонке вооружений и связанных с ней постоянных локальных горячих конфликтах; 3) расколе мира на два противоположных лагеря, 4) идеологической борьбе и неприязни взглядов противной стороны. По аналогии с признаками «холодной войны» между сверхдержавами мы можем назвать признаки «холодной войны» в современной школе. Ими являются: 1) трудности, которые испытывают учителя с погружением обучающихся в учебный предмет; 2) дети не реагируют на появление учителя в классе в начале урока и продолжают заниматься своими делами, шуметь, играть с гаджетами; 3) обучающиеся всех уровней с трудом переключают внимание на доску, на которой учитель пишет задание; 4) обучающиеся не выполняют просьбы учителя убрать во время урока гаджеты в рюкзаки и портфели; 5) играют с учителем в «For-Da», т. е. постоянно переспрашивают учителя, заставляя его бесконечно повторять один и тот же абзац учебника, ссылаясь на то, что не понимают

содержание параграфа; 6) чтобы успокоить класс, привлечь внимание детей к уроку, учитель вынужден повышать голос; 7) обучающиеся 5–6 классов не умеют бегло читать, а обучающиеся старших классов не могут сформулировать смысл прочитанного абзаца текста учебника, что является издержкой «Болонской системы» и цифровизации образования; 8) неприятие взглядов поколения учителей современными школьниками; 9) формирование образа учителя как «Другого/Врага»; 10) возникновение горячих конфликтов в школе между обучающимися и учителями; 11) практики разрядки напряженности и «детанта», изобретаемые учителями, которые призваны смягчить ситуацию «холодной войны».

Неприятие взглядов П“Х” и П“У” современными школьниками. Сегодня в школе учится молодое поколение с совершенно иным типом мышления, чем основная масса учителей (П“Х”). По типу мышления и психологическим установкам П“Х” — это «хомо советикусы», которые сохранили оптимизм, заинтересованность в личностном росте, командный дух, исповедующие культ молодости, склонные уповать на государство, аскеты, не поддерживающие идеи гендерного равенства, далекие от цифровой зависимости. Они имеют заниженную мотивацию к самоизменению и верят в диктат дисциплинарных мер. По мнению учителей П“Х”, в школе наблюдается несогласованность действий классных руководителей, психолога, социального педагога, завуча, а также отсутствует желание у родителей сотрудничать со школой, а в некоторых случаях даже следить за воспитанием своего ребенка. Учителя (П“Х” и П“У”) жалуются, что сегодня процесс школьного образования слишком бюрократизирован, а увеличение полномочий у администрации делает учителей все бесправнее, загружая их бумажной работой и отчетностью. Если учителя (П“Х” и частично П“У”) разделяют *экстернальные ценности*, то школьники (П“Z”) являются

носителями *интернальных ценностей*. Средний (завучи) и высший (директора) слои менеджмента школьной образовательной среды при этом указывают на сложность процесса формирования целеполагания у школьников. Вот их некоторые высказывания в социальных сетях: «*Так называемый светский гуманизм продемонстрировал полную несостоятельность во всех странах мира, где он доминирует*»; «*Отсутствие идеологической базы (что мы воспитываем?)*»; «*У семьи не сформирован запрос к школе на воспитание*»; «*Образование, основанное на академических предметах, не имеет выхода в воспитательный аспект*»; «*Вводим профильное обучение и сокращаем часы на основные предметы, которые формируют личность человека (литература, музыка...)*»; «*Неопределенность конечного продукта воспитания*» [3; 7]. Учителя-предметники указывают, что несмотря на то, что Интернет подталкивает человека к изменениям, инновациям, динамичной пластичности, умению быстро стирать ненужные навыки, обнуляться, перезагружаться и загружаться новой информацией и новейшими программами, он оказывает и негативное воздействие на школьников. *Интернальность* и *индивидуализм* П“Z” усугубляются погруженностью в Интернет. Их подверженность воздействию агрессивных интернет-СМИ часто проявляется в повышенной контактной агрессивности (школьники могут начать бить одноклассника, неожиданно схватить его за волосы), учителям трудно справиться с проявлениями девиантного поведения (драки, мат, пиво, курение школьников). *Интернальность* и *индивидуализм* влияют на способы школьников использовать новые информационные технологии, усиливая их жизненные прагматические установки: они с раннего возраста привыкают брать методом произвольного и свободного скачивания информации, не обращая внимание на авторство источника. Информация в Интернете рассматривается ими как ничья. Неуважение к авторству — одно из базовых свойств куль-

туры постмодерна. Невнимание к «Автору» имеет два пагубных последствия: 1) неуважение к первоисточнику; 2) пренебрежительное отношение к трансляторам информации — к учителям. Привычка к «свободному скольжению по Интернету» во многом определила у современных школьников особый формат мышления, который характеризуется как «клиповость». По форме «клиповость» — это образный тип мышления, осуществляемый через короткую трансляцию послания. Клиповость мышления способствует развитию *полиактивности* у школьников. На практике полиактивность выражается в том, что они могут одновременно выполнять несколько действий: общаться в социальных сетях, делать домашнее задание, присутствовать на уроке, при этом ни на чем полностью не сосредотачиваясь. Они прагматичны и ориентированы на деньги и выгоду. Целеполагание у современных школьников и связанная с ним мотивация к обучению, как полагал директор Института психологии, специалист в области изучения детской психологии педагогики Б. И. Хасан, не содержит «образы желательного будущего, на которые можно ориентировать в воспитании. Нет посредников-взрослых, через которых осуществляются связи со старшим поколением, с позитивным социумом» [7]. Современные школьники отличаются скепсисом в отношении всего их окружающего, включая школьные уроки, они не доверяют авторитетам (родителям, учителям), традиционным источникам знаний. Школьники требуют легких занятий, жаждут получать только высокие оценки при минимальных усилиях с их стороны. Сегодня мнение учителя не является однозначным, они распространяют критику на содержание основных школьных предметов, определяя их как скучные. От установок на «приобретение прочных знаний», ценностных личных ориентиров на «хорошего семьянина», «защитника своей страны» произошла переориентация на другие личностно значимые модели: «человек, способный обеспечить свое благосостояние», «человек,

добывающийся в жизни своего». Часто *интернальность и индивидуализм* у представителей П“Z” рождает в их умах представление о том, что их жизнь зависит исключительно от их самих, что выражается в их привычке настолько отделять себя от государства, что они теряют гражданские чувства.

Так, интервальность, индивидуализм, полиактивность, препятствующая формированию глубоких смыслов, разделяет поколения, в частности поколение учителей и поколение учеников, на «молодых/современных людей» и «возрастных/людей прошлого века»; способствует эскалации эйджизма и формированию в коллективном сознании школьников как социальной группы образа учителя как «Другого» или «Врага».

Формирование образа учителя как «Другого/Врага». Учеными установлен факт, что на сознание и образ мышления современного школьника длительное пребывание в виртуальном пространстве, осуществляемое ими с помощью гаджетов, оказывает иное влияние, чем на сознание учителей (П“X” и П“Y”). Мы провели анализ нескольких школьных форумов, а именно записей, которые оставляют школьники в соцсетях, с целью мониторинга представлений школьников об учителях, что позволило нам сделать следующие наблюдения: наибольшей степени обструкции подвергаются учителя (П“X”), менее негативен образ более молодых школьных учителей (П“Y”). Основные негативные краски, которыми обозначается «образ врага», т. е. учителя (П“X”), следующие: это сторонники дисциплинарных практик в школе; они «зациклены» на требовании выполнения утомительных домашних заданий и соблюдение режима занятий; у них слабая компьютерная грамотность; школьники негативно воспринимают их внешний вид, а также не одобряют у них отсутствие интереса к моде в системе поп-культуры. Обратной стороной такого негатива в отношении учителей (П“X”) «Другого/Врага» становится

усиленный поиск «Своего». Подростки постоянно ищут «Своего», пролистывая странички Интернета, знакомясь с профилями людей анонимно в поисках личной свободы, единомышленников, т. е. «Своих». Такие возможности им предоставляют виртуальные пространства, представленные сегодня форумами, играми, социальными сетями и др. [2; 16; 36].

Анализ способов представлений (символических идентификаторов) подростков-школьников в этих трех видах виртуальных пространств по методике культурных измерений, разработанной нидерландским социологом Г. Хофштеде, позволил нам описать отношения, которые отражают практики идентификации школьников в системе двух пространств — социальной реальности и виртуальной реальности. Так, в социальном пространстве сознание подростков-школьников имеет следующие описательные характеристики: 1) по отношению к дихотомии мужское/женское — это мужское сознание, в котором господствуют тщеславие, отсутствие эмпатии, прагматизм; 2) по отношению коллективное/индивидуальное — это **индивидуализм и интернальность**, поддерживающие их стремление утвердить свое место в школьном коллективе, закрепить свои позиции в школьной субкультуре); 3) по отношению к неопределенности — это высокий уровень избегания неопределенности и, как следствие, стресс, агрессивность, нетерпимое отношение к «Другому/Врагу»; 4) по отношению к власти — сознание школьников направлено против власти, включая государственную; 5) стратегическое мышление — отсутствие долгосрочных планов, нежелание заглядывать в будущее, нежелание следовать социальным обязательствам. В виртуальном пространстве сознание подростков-школьников обладает следующими характеристиками: 1) по отношению к дихотомии мужское/женское — это практики инверсии и унисекса; 2) по отношению коллективное/индивидуальное — это индивидуализм; 3) по отношению к неопределенности — это активная

поддержка перемен; 4) по отношению к власти — анархическое отношение, основанное на идее о том, что они самим себе власть, неуважение к авторитетам; 5) их стратегическое мышление — это футуроархаические или сказочные, оторванные от жизни модели.

Горячие конфликты в школьной среде.

Неприятие взглядов учителей современными школьникам, формирование в их коллективном сознании образа учителя как образа «Другого/Врага», **интернальность и индивидуализм** значительно осложняют проблему обучения и воспитания школьников сегодня. На интернет-форумах учителей можно встретить такие высказывания по этому поводу: *«воспитание никто толком не заказывает»; «в идейном плане совершенно непонятно, на что ориентироваться»; «содержание образования в данном аспекте также не инструмент»; «профессионалов-воспитателей нет... Может быть, действительно, ну его, это воспитание: не можем воспитывать, чего переживать?»* [7]. В условиях цифровизации школьного образования воспитание как форма педагогической деятельности вообще не предусмотрено новым Национальным проектом «Образование», разработанным при участии Сбербанка.

Если в отношении между двумя супердержавами в XX в. характерным признаком «холодной войны» была «гонка вооружений и связанные с ней постоянные локальные горячие конфликты», то в школьной коммуникации между учителями и школьниками по всему миру наблюдается нарастающее обострение «горячих конфликтов». Не всегда «горячие конфликты» — это противостояние учителей и обучающихся. Нередко то были массовые убийства одноклассников конкретным учеником и т. п. [15]. Но всё чаще, начиная с 2013 г., в прессе появляется информация о том, что школьники издеваются над учителями, снимают акты агрессии против учителей на видео, выкладывают в сеть

со словами «это же прикольно!» [16; 26], утверждая, «что нас за это (акты агрессии против учителей) еще никто не наказывал». В прессе отмечалась эскалация насилия в школах, а именно то, что за два года возросло количество нападений на учителей в полтора раза [23]. Эта ситуация уже нашла отражение в современном кинематографе (фильм «Училка»).

Сегодня учитель в глазах детей не только самый слабый, но и самый презренный, убеждены эксперты. «Ситуация вполне объяснима. Все дело в том, что профессия учителя у нас считается никак не творческой и далеко не уважаемой — это работник сферы услуг, — пояснил ювенолог Александр Тарасов, — в странах Латинской Америки, где процент неграмотного населения сильно отклоняется от нормы, совсем недавно такого не было. И до неолиберальных реформ там даже к сельскому учителю относились с уважением. А потом все рухнуло, и начался “школьный экстремизм”» [26]. Согласно опросу, проведенному Национальным объединением учителей, 12% педагогов подвергались физическому насилию со стороны учеников, 50% учителей признались, что большую часть времени им приходится отводить на установление порядка в классе [6, с. 62–75; 29]. В Испании профсоюз учителей призвал правительство принять срочные меры по их защите. Опрос, проведенный среди учителей, показал, что 15% педагогов подвергались насилию со стороны учеников, 73% — постоянным оскорблениям. Учителя боялись ходить на работу, о чем заявили 9% из 12 тыс. учителей. В Египте в школе произошла массовая драка между учителями и детьми после того, как директор школы исключил трех учеников из школы за оскорбление учителя [29]. Нам представляется, что ситуацию с переходом от недопонимания между поколениями учителей и школьников, связанную с демографическим переходом и поколенческим разрывом, к «горячим конфликтам» в глобальном масштабе можно также объяснить и культурной коннотацией

этого разрыва, а именно «духом времени», т. е. трансформацией содержания ценностных установок постмодерна.

Практики «детанта» в «холодной войне» между школьниками и учителями. У «холодной войны» в современной российской школе нет уличных баррикад, на которых можно увидеть представителей двух враждующих лагерей. Тем не менее, в условиях обострения социальных противоречий, вызванных экономическим кризисом (пандемия COVID-19) и его последствиями, включая дистанционное образование с его издержками, разрывом реальных социальных связей, установкой на эйджизм (негативное отношение к людям 65+ как группе риска в отношении заболевания COVID-19), противостояние продолжилось. Например, у большинства школьников в условиях онлайн-обучения усилилась мотивация на свободное и независимое от требований соблюдения паттернов школьное поведение. Дисциплинарные замечания учителей часто воспринимаются ими как оскорбления, а низкие оценки по успеваемости активно оспариваются: «Почему вы поставили мне такую оценку? Я ответил на более высокую оценку».

В условиях «холодной войны» между учителями и школьниками в современной российской школе первыми именно учителя стали искать способы снижения напряженности между двумя противостоящими лагерями. Такими способами стали проекты внедрения практики ситуационного моделирования, подача информации по конкретным учебным темам с обязательным разбором сложных ситуаций; внедрение таких моделей образовательного процесса, как «Экспедиция» против такой модели образования как «Магазин» [11]; волонтерское движение; институциональная модель образования (создание правового пространства школы и отбор сценариев школьной культуры) [17], и как ее реализация — школьное самоуправление [27]. Школьное самоуправление — это проект «детанта» в условиях «холодной войны»

между учителями и обучающимися в современной российской школе. Эта практика снижения напряженности между учителями и школьниками мотивирована со стороны создателей следующими целями: обеспечением социализации каждого ребенка методами групповой деятельности, вовлекающей школьников в общественные отношения; стремлением развивать у каждого ребенка тягу к творчеству и формированию у них навыков социальной коммуникации; попыткой внедрения в сознание навыков школьников навыков гражданско-правовой деятельности.

Тем не менее, даже беглое знакомство с формулировками принципов школьного самоуправления, опубликованными в открытых источниках, вызывает много вопросов (табл. 1). Ответы на вопросы подводят нас к пониманию того, что школьное самоуправление — это не самая удачная попытка школьных администраторов совместить опыт воспитательных практик **советской школы**, а именно: совместить идейно ориентированные на формирование строителя социализма-коммунизма октябрятское движение, пионирию и комсомол, «совет класса», «совет дру-

Таблица 1

Принципы школьного самоуправления и вопросы к ним [25]

№	Формулировка принципов школьного самоуправления	Вопросы к содержанию принципов
1	Выборность всех органов совместного и раздельного самоуправления педагогов, учащихся и родителей.	Что имеется в виду под выборностью всех органов раздельного управления педагогов? В школе есть своя административная иерархия, директора и учителей-предметников никто из учеников не выбирает.
2	Педагогическое руководство. Оно обеспечивает развитие детского самоуправления.	В чем отличие педагогического руководства школьным управлением сегодня от педагогического руководства (классного руководства) в советской средней школе? Всё дело в названии?
3	Разделение полномочий органов самоуправления школы и их тесное взаимодействие.	Либо «разделение полномочий», либо «тесное взаимодействие». В противном случае будет дублирование полномочий.
4	Выбор содержания, организационной структуры, форм и методов деятельности на основе специфических условий школы.	На практике такая свобода выбора, т. е. «делаем, что в голову придет», приводит к культивированию безответственности у учеников.
5	Широкая гласность и открытость в деятельности органов самоуправления.	То, что понимается под гласностью, обратной стороной имеет воспитание наклонностей к спорам, воспроизведения моделей поведения, свойственных открытым студиям, передачам «Привет, Андрей», «Дому-2» и т. п.
6	Свобода критики и обмена мнениями по любым вопросам школьной жизни, деятельности органов самоуправления.	Свобода критики по любым вопросам школьной жизни конечным результатом имеет споры с учителями, неуважение к их мнению, оспаривание оценок, завышенным требованиям к окружающим.
7	Систематическая сменяемость членов самоуправления, обновляемость видов деятельности.	По каким правилам сменяемость осуществляется? Результат — «текучка кадров» в школьном совете?
8	Гуманность к каждому отдельному человеку. Приоритетность интересов учащихся.	Приоритет интересов учащихся не предполагает их уважительного или просто гуманного отношения учеников к учителям.

жины» с «вызовами времени» и **Национальным проектом «Образование»**, т. е. со свободным рынком как регулятором экономических процессов, формированием «квалифицированного потребителя», превращением образования в сферу услуг. Интересным примером попытки такого совмещения служит клятва классного руководителя и ученика класса, т. е. двух участников проекта «школьное самоуправление» [25] и сравнение текстов этих клятв с торжественным обещанием пионеров эпохи СССР. Сравнение заставляет вспомнить известный афоризм: «Всё в истории случается дважды: один раз как трагедия, другой раз — как фарс».

Выводы. В результате проведенного пилотажного социологического исследования и анализа полученных результатов, мы пришли к следующим выводам:

- 1) Смена поколений — это естественный процесс, но явление «поколенческий разрыв» и его изучение в пространстве образовательной и воспитательной среды средней школы пока остается недостаточно изученным. Наше пилотажное исследование показало, что поколенческий разрыв пагубно сказывается в сфере воспитания школьников, создавая почву для «холодной войны» между ними и учителями.
- 2) Недостатки «Болонской системы» образования и система ЕГЭ, о которых уже и так много написано, в совокупности с переходом к цифровизации образования пагубно сказываются на способности детей к мышлению. Поколение “Z” — это дети, которые

не просто имеют клиповое сознание, их сознание лишается содержания в силу того, что «Болонской системой» был нанесен, и сейчас продолжает наноситься процессом цифровизации образования, сокрушительный удар по традиционному русскому/российскому культурному коду и культурному канону в целом.

- 3) Общество РФ, согласно статье 13 Конституции РФ, признает многообразие идеологических моделей, ведущих в будущее. Из этого следует, что обществом признается многообразие моделей приемлемого будущего. Воспитание детей в условиях неопределенности модели приемлемого будущего — это дорога в никуда. Практики «детанта» в «холодной войне» между школьниками и учителями в современной средней школе, генерируемые учителями, призваны смягчить напряженность противостояния. Тем не менее, в большинстве таких практик, в частности практики школьного самоуправления, судя по тексту клятв учителей и учеников, отсутствуют многие важные компоненты, например, такие, как понятие «Родина», общие национальные интересы, верность Отечеству и т. п.
- 4) Все представленные в статье материалы свидетельствуют о том, что наше общество столкнулось с очередным «вызовом времени». А мы, учителя, любим такие «вызовы» и умеем на них отвечать.

ИСТОЧНИКИ

1. Тургенев И. С. Отцы и дети. М.: Художественная литература, 1979. 288 с.
2. Minecraft // Facebook. [Online]. URL: <https://www.facebook.com/minecraft/> (accessed 13.03.2021)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

3. Большая учительская // Современный учительский портал. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://easyen.ru/forum/6> (дата обращения: 14.03.2021).

4. Горалик Л. Маленький Принц и большие ожидания: Новая зрелость в современном западном обществе // Теория моды: одежда, тело, культура. 2008. № 8. с. 259–299.
5. Горшков М. К., Петухов В. В. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. М.: Институт социологии РАН, 2007. 95 с.
6. Давыдов Д. Г., Хломов К. Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4 (32). С. 62–76. <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0406>
7. Каковы самые серьезные проблемы школьного образования // Первое сентября. 13.12.2008. № 23. [Электронный ресурс]. URL: <https://ps.1sept.ru/article.php?ID=200802311> (дата обращения: 14.03.2021).
8. Каку М. Учеба уже не будет базироваться на запоминании. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vospitaj.com/blog/mitio-kaku-uchjoba-uzhe-ne-budet-bazirovatsya-na-zapominanii/> (дата обращения: 22.03.2021).
9. Киясканов М. Х., Ростова А. Т. Деструкция межпоколенческих связей в современном российском обществе // Гуманитарные исследования. 2018. № 3 (20). С. 28–30.
10. Левада Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5 (55). С. 7–14.
11. Леонтович А. В., Цветков А. В. Экспедиция как форма реализации исследовательской педагогической технологии // Исследователь. 2012. № 1–2. С. 338–345.
12. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 492 с.
13. Мирошкина М. Р. Интерпретации теории поколений в контексте российского образования технологии // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 6. С. 30–35.
14. Напавший на учителя школьник получил 7 лет колонии // Irnet.ru, 15.02.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://irnet.ru/2019/02/15/napavshiy-na-uchitelya-shkolnik-iz-ivanteevki-poluchil-bolshe-semi-let-kolonii.html> (дата обращения: 14.03.2021).
15. Нападение на школу в Бурятии: семь раненых // BBC News. Русская служба. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-42742196> (дата обращения: 01.11.2021).
16. Новикова О. Н. Игровая деятельность человека в пространстве виртуальной реальности // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 16–25.
17. Ожигов Ю. Образование как товар // Завтра. [Электронный ресурс]. URL: https://zavtra.ru/blogs/obrazovanie_kak_tovar (дата обращения: 13.04.2021).
18. Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 328 с.
19. Пырма Р. В. Восстание поколения Z: новые политические радикалы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. Т. 7. № 2 (26). С. 43–50.
20. Рикель А. М., Дровенская С. В. Социально-психологическая модель ценностей различных поколений современного российского общества // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 4. С. 205–225. <https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.10>
21. Семенова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОССПЭН, 2009. 240 с.
22. Синицкий А. В. К количественной теории технико-экономически укладов // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2005. № 6. С. 18–34.
23. Случаи стрельбы в российских школах. Хронология // TASS.RU. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/crime/43161119-sluchai-strelby-v-rossiyskih-shkolah-hronologiya/> (дата обращения: 20.03.2021).
24. Судьбы людей: Россия XX век: биографии семей как объект социологического исследования / отв. ред. В. В. Семенова, Е. В. Фотеева. М.: Институт социологии РАН, 1996. 123 с.
25. Травин Д. Я., Гельман В. Я. «Загогулины» российской модернизации: смена поколений и траектории реформ // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2013. № 4 (90). С. 14–38.
26. Травля в школе: как защитить учителя // Мел. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vkpress.ru/articles/travlya-v-shkole-kak-zashchitit-uchitelya/?id=130106> (дата обращения: 13.03.2021).
27. Уланова Н.В. Модель ученического самоуправления в классе // Образовательная социальная сеть nsportal.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/shkola/klassnoe-rukovodstvo/library/2011/11/19/model-uchenicheskogo-samoupravleniya-v-klasse> (дата обращения: 14.03.2021).
28. Шамилов А. Б. Поколенческие разрывы как фактор роста конфликтности в современном российском обществе // Власть. 2019. Т. 27. № 4. С. 26–32. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6581>

29. Эскалация насилия в школах: за 2 года количество нападений на учителей выросло в полтора раза технологии // News.ru, 18 мая 2007 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newsru.com/russia/18may2007/school.html> (дата обращения: 13.03.2021)
30. Яркова Н.М. Структура школьного самоуправления // Образовательная социальная сеть nsportal.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/shkola/vneklassnaya-rabota/library/2012/09/20/struktura-shkolnogo-samoupravleniya> (дата обращения: 14.03.2021).
31. Bly R. The sibling society. London: Addison-Wesley Publ., 1996. 234 p.
32. Hoover E. Millennial muddle: How stereotyping students became a thriving industry and a bundle of contradiction // The chronicle of higher education, October 11, 2009. [Online]. URL: <https://www.chronicle.com/article/the-millennial-muddle/> (accessed 15.03.2021).
33. Howe N., Strauss W. Generations: The history of America's future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company Publ., 1991. 540 p.
34. Kapitza S. P. Global population blow up and after. The demographic revolution and information society. Moscow: Nauka Publ., 2004. 272 p.
35. Mead M. Culture and commitment: A study of the generation gap. Garden City: Natural History Press, 1970. 340 p.
36. World of Warcraft // Вконтакте. [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/worldofwarcraft> (дата обращения: 15.03.2021).

SOURCES

1. *Turgenev I. S.* Ottsy i deti. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1979. 288 s.
2. Minecraft // Facebook. [Online]. URL: <https://www.facebook.com/minecraft/> (accessed 13.03.2021)

REFERENCES

3. Bol'shaya uchitel'skaya // Sovremennyy uchitel'skij portal. 2021. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://easyen.ru/forum/6> (data obrashcheniya: 14.03.2021).
4. Goralik L. Malen'kij Prints i bol'shie ozhidaniya: Novaya zrelost' v sovremennom zapadnom obshchestve // Teoriya mody: odezhd, telo, kul'tura. 2008. № 8. s. 259–299.
5. Gorshkov M. K., Petukhov V. V. Molodezh' novej Rossii: obraz zhizni i tsennostnye priority. M.: Institut sotsiologii RAN, 2007. 95 s.
6. Davydov D. G., Khlomov K. D. Massovye ubijstva v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh: mekhanizmy, prichiny, profilaktika // Natsional'nyj psikhologicheskij zhurnal. 2018. № 4 (32). S. 62–76. <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0406>
7. Kakovy samye ser'eznye problemy shkol'nogo obrazovaniya // Pervoe sentyabrya. 13.12.2008. № 23. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ps.1sept.ru/article.php?ID=200802311> (data obrashcheniya: 14.03.2021).
8. Kaku M. Ucheba uzhe ne budet bazirovat'sya na zapominanii. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.vospitaj.com/blog/mitio-kaku-uchjoba-uzhe-ne-budet-bazirovatsya-na-zapominanii/> (data obrashcheniya: 22.03.2021).
9. Kilyaskanov M. H., Rostova A. T. Destruktsiya mezhpokolencheskikh svyazey v sovremennom rossijskom obshchestve // Gumanitarnye issledovaniya. 2018. № 3 (20). S. 28–30.
10. Levada Yu. A. Pokoleniya XX veka: vozmozhnosti issledovaniya // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2001. № 5 (55). S. 7–14.
11. Leontovich A. V., Tsvetkov A. V. Ekspeditsiya kak forma realizatsii issledovatel'skoj pedagogicheskoy tekhnologii // Issledovatel'. 2012. № 1–2. S. 338–345.
12. Mid M. Kul'tura i mir detstva. M.: Nauka, 1988. 492 s.
13. Miroshkina M. R. Interpretatsii teorii pokolenij v kontekste rossijskogo obrazovaniya tekhnologii // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2017. № 6. S. 30–35.
14. Napavshij na uchitelya shkol'nik poluchil 7 let kolonii// Innet.ru, 15.02.2019. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://innet.ru/2019/02/15/napavshiy-na-uchitelya-shkolnik-iz-ivanteevki-poluchil-bolshe-semi-let-kolonii.html> (data obrashcheniya: 14.03.2021).
15. Napadenie na shkol'u v Buryatii: sem' ranenyykh // BBC News. Russkaya sluzhba. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-42742196> (data obrashcheniya: 01.11.2021).

16. *Novikova O. N.* Igrovaya deyatelnost' cheloveka v prostranstve virtual'noj real'nosti // *Sotsium i vlast'*. 2018. № 6 (74). S. 16–25.
17. *Ozhigov Yu.* Obrazovanie kak tovar // *Zavtra*. [Elektronnyj resurs]. URL: https://zavtra.ru/blogs/obrazovanie_kak_tovar (data obrashcheniya: 13.04.2021).
18. *Ottsy i deti: Pokolencheskij analiz sovremennoj Rossii* / sost. Yu. Levada, T. Shanin. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. 328 s.
19. *Pyрма R. V.* Vosstanie pokoleniya Z: novye politicheskie radikal'y // *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2017. T. 7. № 2 (26). S. 43–50.
20. *Rikel' A. M., Drovenskaya S. V.* Sotsial'no-psikhologicheskaya model' tsnostej razlichnykh pokolenij sovremenno go rossijskogo obshchestva // *Rossijskij psikhologicheskij zhurnal*. 2017. T. 14. № 4. S. 205–225. <https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.10>
21. *Semenova V. V.* Sotsial'naya dinamika pokolenij: problema i real'nost'. M.: ROSSPEN, 2009. 240 s.
22. *Sinitskij A. V.* K kolichestvennoj teorii tekhniko-ekonomicheskij ukladov // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*. 2005. № 6. S. 18–34.
23. Sluchai strel'by v rossijskikh shkolakh. *Khronologiya* // TASS.RU. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://news.rambler.ru/crime/43161119-sluchai-strelby-v-rossijskih-shkolah-hronologiya/> (data obrashcheniya: 20.03.2021).
24. Sud'by lyudej: Rossiya XX vek: biografii semej kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya / otv. red. V. V. Semenova, E. V. Foteeva. M.: Institut sotsiologii RAN, 1996. 123 s.
25. *Travin D. Ya., Gel'man V. Ya.* "Zagoguliny" rossijskoj modernizatsii: smena pokolenij i traektorii reform // *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 2013. № 4 (90). S. 14–38.
26. Travlya v shkole: kak zashchitit' uchitelya // *Mel*. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.vkpress.ru/articles/travlya-v-shkole-kak-zashchitit-uchitelya/?id=130106> (data obrashcheniya: 13.03.2021).
27. *Ulanova N. V.* Model' uchenicheskogo samoupravleniya v klasse // *Obrazovatel'naya sotsial'naya set' nsportal.ru*. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://nsportal.ru/shkola/klassnoe-rukovodstvo/library/2011/11/19/model-uchenicheskogo-samoupravleniya-v-klasse> (data obrashcheniya: 14.03.2021).
28. *Shatilov A. B.* Pokolencheskie razryvy kak faktor rosta konfliktnosti v sovremenno m rossijskom obshchestve // *Vlast'*. 2019. T. 27. № 4. S. 26–32. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6581>
29. Eskalatsiya nasiliya v shkolakh: za 2 goda kolichestvo napadenij na uchitelej vyroslo v poltora raza tekhnologii // *News.ru*, 18 maya 2007 g. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.newsru.com/russia/18may2007/school.html> (data obrashcheniya: 13.03.2021)
30. *Yarkova N. M.* Struktura shkol'nogo samoupravleniya // *Obrazovatel'naya sotsial'naya set' nsportal.ru*. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://nsportal.ru/shkola/vneklassnaya-rabota/library/2012/09/20/struktura-shkolnogo-samoupravleniya> (data obrashcheniya: 14.03.2021).
31. *Bly R.* The sibling society. London: Addison-Wesley Publ., 1996. 234 p.
32. *Hoover E.* Millennial muddle: How stereotyping students became a thriving industry and a bundle of contradiction // *The chronicle of higher education*, October 11, 2009. [Online]. URL: <https://www.chronicle.com/article/the-millennial-muddle/> (accessed 15.03.2021).
33. *Howe N., Strauss W.* Generations: The history of America's future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company Publ., 1991. 540 p.
34. *Kapitza S. P.* Global population blow up and after. The demographic revolution and information society. Moscow: Nauka Publ., 2004. 272 p.
35. *Mead M.* Culture and commitment: A study of the generation gap. Garden City: Natural History Press, 1970. 340 p.
36. World of Warcraft // *Vkontakte*. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://vk.com/worldofwarcraft> (data obrashcheniya: 15.03.2021).